

Цифровые объекты гражданских прав¹

Аннотация. Статья посвящена проблеме цифровизации объектов гражданских прав. В условиях развития цифровой экономики объекты находят свое закрепление и отражение в цифровой среде. В статье 128 ГК РФ появилось упоминание цифровых прав. Они определяются как имущественные обязательственные и иные права, что не позволяет считать их самостоятельными новыми видами объектов гражданских прав. Категория цифровых прав, введенная в законодательство, не охватывает все новые объекты, появляющиеся в цифровой среде, по поводу которых возникают гражданские правоотношения, в связи с чем актуальным является введение в перечень объектов гражданских прав категории цифровых объектов как самостоятельного вида объектов гражданских прав или распространение на новые объекты правовых режимов поименованных объектов. Например, категории больших данных, больших пользовательских данных вновь заставляют задуматься о правовом режиме информации. Присоединяясь к позиции о том, что сама по себе информация не является самостоятельным видом объектов гражданских прав, можно сделать вывод, что информация, размещенная в цифровой среде, способна объективироваться как нематериальное благо (например, персональные данные являются составной частью тайны личной жизни, иных тайн, закрепленных в законодательстве), при этом обладатель данной информации может передавать право ее использования иным лицам. Данное право можно рассматривать как имущественное (исключительное) право. Само предоставление информации может объективироваться в рамках услуг по ее предоставлению. Большие данные, если они не содержат персональной информации, также могут охватываться категорией общедоступных данных, которые могут собирать, анализировать, обобщать лица, получающие доступ к этим данным на законных основаниях (например, из открытых источников в сети Интернет). Кроме того, в статье рассмотрены проблемы определения правового режима так называемых виртуальных объектов в узком смысле (внутриигровых объектов, объектов виртуальной или дополненной реальности), искусственного интеллекта и роботов, созданных на основе технологии искусственного интеллекта. В целом сделан вывод о возможности распространения на цифровые объекты правового режима поименованных объектов гражданских прав с учетом особенностей их закрепления в цифровой среде.

Ключевые слова: объекты гражданских прав; цифровая экономика; цифровизация; цифровые права; информация; большие данные; виртуальные объекты; дополненная реальность; искусственный интеллект; роботизация.

Для цитирования: Аюшеева И. З. Цифровые объекты гражданских прав // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 7. — С. 32–43. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.032-043.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16054.

© Аюшеева И. З., 2021

* Аюшеева Ирина Зориктуевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
aiusheeva@gmail.com

Digital Objects of Civil Rights²

Irina Z. Ayusheeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
aiusheeva@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to the problem of digitalization of objects of civil rights. In the context of the development of the digital economy, objects are consolidated and reflected in the digital environment. Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation sets forth the concept of digital rights. They are defined as property obligations and other rights, which does not allow them to be considered as independent new types of objects of civil rights. The category of digital rights introduced into the legislation does not cover all new objects that appear in the digital environment, which results in appearance of legal relations, in connection with which it is relevant to introduce the category of digital objects into the list of objects of civil rights as an independent type of objects of civil rights or as application of legal regimes of the named objects to new objects. For example, the categories of big data, big user data again make us think about the legal regime of information. Adhering to the understanding that information itself is not an independent type of objects of civil rights, we can conclude that information posted in the digital environment is capable of objectification as an intangible benefit (for example, personal data is an integral part of privacy, other rights enshrined in the legislation), while the owner of this information can transfer the right to use it to other persons. This right can be considered as a property (exclusive) right. The very provision of information can be objectified within the framework of services for its provision. Big data, if it does not contain personal information, can also be covered by a category of publicly available data that can be collected, analyzed, summarized by persons accessing this data legally (for example, from open sources on the Internet). In addition, the paper elucidates the problems of determining the legal regime of so-called virtual objects in the narrow sense (in-game objects, objects of virtual or augmented reality), artificial intelligence and robots created on the basis of artificial intelligence technology. In general, it is concluded that it is possible to extend to digital objects the legal regime of the named objects of civil rights with due regard to the peculiarities of their consolidation in the digital environment.

Keywords: objects of civil rights; digital economy; digitalization; digital rights; information; big data; virtual objects; augmented reality; artificial Intelligence; robotization.

Cite as: Ayusheeva IZ. Tsifrovye obekty grazhdanskikh prav [Digital Objects of Civil Rights]. *Lex russica*. 2021;74(7):32-43. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.032-043. (In Russ., abstract in Eng.).

Достижения науки, быстрое развитие цифровых технологий, внедрение их в повседневную жизнь в условиях четвертой промышленной революции, происходящей на современном этапе, приводит к существенному изменению общественных отношений, видоизменению традиционных институтов и появлению новых. Общество стремительно движется в цифровую эпоху, основной вектор развития экономики направлен на становление и расширение отношений цифровой экономики.

Вслед за развитием экономических отношений, в том числе отношений платформенной экономики, шеринга, постепенно вносятся изменения и в гражданское законодательство. В связи с цифровизацией актуальным является решение вопроса о необходимости выделения

категории цифровых объектов как самостоятельного вида объектов гражданских прав или распространения на них режимов существующих объектов.

В связи с изменениями в ст. 128 ГК РФ цифровые права были поименованы в перечне объектов гражданских прав как разновидность имущественных прав, являющихся частью иного имущества³.

В соответствии с легальным определением имущественное право может быть названо цифровым по ст. 141.1 ГК РФ только в том случае, если оно определено таким образом в законе и осуществляется в рамках отвечающей установленным законом признакам информационной системы.

С одной стороны, толкование нормы ст. 128 ГК РФ позволяет считать цифровые права са-

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16054.

³ Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

мостоятельным видом имущественных прав, с другой стороны, они определены как обязательственные и иные права, зафиксированные в информационной системе. В связи с этим обосновано мнение, что цифровизация прав — это не возникновение нового вида имущественных прав, существующего наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а лишь их цифровой способ фиксации⁴. Отмечается также, что цифровое право можно рассматривать в качестве тождественного праву на объект, зарегистрированный в децентрализованном реестре, то есть фиксация прав в цифровой форме не порождает новый объект⁵.

В действующем законодательстве отражено разделение на утилитарные цифровые права и инвестиционные цифровые права.

Утилитарными цифровыми правами в Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ названы следующие: право требовать передачи вещей; право требовать передачи исключительных прав, прав использования результатов интеллектуальной деятельности; право требовать выполнения работ, оказания услуг, если перечисленные права изначально возникли в качестве цифровых на основании договора, заключенного с использованием инвестиционной платформы. В связи с принятием указанного Закона высказано мнение о том, что утилитарное цифровое право фактически осуществляется в рамках обязательственного правоотношения, как имущественное право⁷. Принятый Закон регулирует отношения коммерческого краудинвестинга.

Некоммерческий краудфандинг, являющийся одним из проявлений шеринговой платформенной экономики, остается вне сферы его правового регулирования⁸, что ограничивает возможность формирования цифровых прав при осуществлении краудфандинговой деятельности вне созданных на основании указанного Закона инвестиционных платформ.

Перечень цифровых прав, которые можно считать цифровыми финансовыми активами, был закреплен в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹. В сущности, данные права отнесены к инвестиционным цифровым правам, при этом они не признаются платежными.

Указанное понимание утилитарных и инвестиционных цифровых прав подтверждает позицию о том, что сами по себе цифровые права трудно признать новыми объектами гражданских прав, по своей сути они являются обязательственными и иными (например, корпоративными, исключительными) правами, которые нашли свое закрепление в информационной системе.

Изначально в законопроекте понятие цифрового права использовалось в качестве альтернативы понятию токена как совокупности электронных данных (цифрового кода, обозначения)¹⁰.

Л. Ю. Василевская отмечала, что токен может рассматриваться и как цифровой код объекта, и как цифровой ключ, по которому системе удастся определить управомоченное лицо с целью допуска для совершения с токеном транзакций, а также заблокировать дей-

⁴ См.: Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 113 ; Подузова Е. Б. Право как объект гражданских правоотношений в контексте цифровой среды и экономики совместного потребления // Там же. 2020. № 2. С. 90.

⁵ Будылин С. Цифровые права — это что еще за зверь? // URL: https://zakon.ru/blog/2018/3/29/cifrovye_prava_eto_chno_escho_za_zver (дата обращения: 04.02.2021).

⁶ СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

⁷ Акинфиева В. В. Утилитарные цифровые права в современных условиях трансформации экономики // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 404.

⁸ См.: Соффер Т. В. Гражданско-правовое регулирование краудфандинга в России: состояние и перспективы // Актуальные проблемы гражданского права. 2020. № 1. С. 11–15.

⁹ Российская газета. 06.08.2020. № 173 (8227).

¹⁰ Проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.03.2018) // URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/>.

ствия неуправомоченных лиц¹¹. Токен можно рассматривать как информацию (знак, символ), обладатель которой получает доступ к правам, зафиксированным в цифровой среде, оцифрованным с использованием современных цифровых технологий.

Специалисты отмечают, что токены могут рассматриваться как цифровое обозначение права на объект (как цифровая ценная бумага); как утилитарные токены; как расчетные токены, к которым относятся криптовалюты¹².

В любом случае, само по себе цифровое право исходя из такого понимания также сложно рассматривать в качестве отдельного объекта, обладающего самостоятельными признаками и не относящегося к ценным бумагам, обязательственным или иным правам. Тем не менее формально в законе данный объект поименован в качестве отдельного вида объектов гражданских прав, что дает возможность их толкования как «прав на права»¹³, хотя такая конструкция не является привычной для нашего правового порядка. В связи с этим более обоснованной выглядит позиция, в рамках которой цифровые права не выделяются в качестве самостоятельных объектов гражданских прав, а рассматриваются лишь как цифровой способ фиксации уже существующих объектов (обязательственных, иных прав).

В Соединенных Штатах Америки установлено, что предложение и продажа ценных бумаг подчиняется правилам законодательства о ценных бумагах, даже если эти ценные бумаги приобретаются с помощью виртуальных валют или распространяются с помощью технологии блокчейн¹⁴, при этом уточнено, что сами по себе токены могут удостоверяют и другие права¹⁵. В иностранной литературе также предлагается согласовать американские и европейские законы о ценных бумагах в части регулирования ICO¹⁶. Таким образом, токенизировать можно любой объект гражданских прав, соот-

ветственно, правовой режим зафиксированного в цифровой форме объекта может зависеть от специфики оцифрованного объекта с учетом особенностей фиксации в цифровой форме.

Очевидно, закрепление цифровых прав в ГК РФ связано с тем, что информация, коей по своей сути и являются цифровые права (токены), не поименована в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Она является таковой только в случае, если связана, воплощена в уже существующих поименованных объектах. Информация в цифровой форме, по поводу которой на сегодняшний день складываются отношения гражданского оборота, может быть объективирована в качестве объекта гражданских прав. Однако определение цифрового права, включенное в действующее законодательство, не охватывает все известные виртуальные объекты, по поводу которых складываются отношения в условиях цифровой экономики.

Не всякие цифровые объекты, которые объективно существуют сегодня, обладают признаками цифрового права, названными в ст. 141.1 ГК РФ, в связи с чем выявлены многочисленные пробелы в правовом регулировании отношений цифровой экономики, которые стали предметом многочисленных дискуссий.

Следует отметить, что в науке гражданского права существует проблема существования так называемых непоименованных объектов, которые не нашли легального закрепления в законе, однако по поводу которых возникают субъективные гражданские права и обязанности, в связи с чем появляется проблема определенности правового регулирования возникающих по поводу таких, очень часто новых, неизвестных ранее объектов общественных отношений (например, большие данные, большие пользовательские данные, доменное имя, виртуальные объекты и т.п.). Законодатель зачастую решает возникшую проблему путем принятия новых

¹¹ Василевская Л. Ю. Указ. соч. С. 114.

¹² Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л., Авакян Е., Савельев А., Судец И., Чубурков А., Соколов А., Янковский Р., Сарбаш С. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 5. С. 16–30.

¹³ Василевская Л. Ю. Указ. соч. С. 115.

¹⁴ Investor Bulletin: Initial Coin Offerings // URL: https://www.sec.gov/oiea/investor-alerts-and-bulletins/ib_coinofferings (дата обращения: 04.03.2021).

¹⁵ Securities Exchange Act of 1934 // URL: <https://www.sec.gov/about/laws/sea34-12g.pdf> (дата обращения: 04.03.2021).

¹⁶ Maume P., Fromberger M. Regulation of Initial Coin Offerings: Reconciling US and EU Securities Laws // Chicago Journal of International Law. 2019. Vol. 19.2. P. 548–585.

норм и отнесения такого рода возникших объектов к разновидностям уже ранее существовавших или к самостоятельным видам объектов гражданских прав¹⁷.

Например, до внесения изменений в действующее законодательство суды вынуждены были определять природу новых цифровых объектов, в частности криптовалюты. В судебной практике категорию «иного имущества» толковали довольно широко. По одному из дел криптовалюта была расценена применительно к ст. 128 ГК РФ как иное имущество: любое имущество должника, имеющее экономическую ценность для кредиторов (включая криптовалюту), не может быть произвольно исключено из конкурсной массы без прямо предусмотренных оснований¹⁸.

Таким образом, несмотря на отсутствие в ГК РФ определения многих цифровых объектов, за исключением цифровых прав, нельзя делать вывод о том, что иные непоименованные объекты не могут быть признаны объектами гражданских прав.

Чаще всего цифровые объекты по своей сути представляют собой информацию, записанную на электронном носителе в виде файла, кода, ключа доступа и т.п. При этом указанные объекты имеют определенную стоимость, обладают признаками товарности, оборотоспособности.

Сама по себе информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений¹⁹. В литературе указывается, что в гражданском обороте выделяются отношения, объектом которых является информация (например, отношения по поводу результатов интеллектуальной деятельности), и

отношения, где действия с информацией выступают как служебные²⁰.

Сама по себе информация не поименована в ГК РФ в качестве объекта гражданских прав, хотя так было не всегда: ранее информация в ст. 128 ГК РФ была выделена в качестве самостоятельного вида объектов, к ней была отнесена служебная и коммерческая тайна. При этом, как было выше указано, в Законе об информации таковая признана объектом в том числе гражданских правоотношений. Данные законоположения породили в гражданском праве дискуссию по поводу объективации информации.

Существует позиция, в соответствии с которой информация в целом должна быть объективирована, а упоминание о ней возвращено в ст. 128 ГК РФ²¹.

В литературе отмечается, что «информация является благом, имеющим определенный носитель, она способна участвовать в гражданском обороте и быть объектом гражданских правоотношений, иметь механизмы защиты от незаконного использования. В совокупности все эти признаки характеризуют информацию как объект гражданского права»²².

М. А. Рожкова указывала, что информация, являясь объектом гражданских прав, не требует ее включения в перечень объектов, содержащийся в ст. 128 ГК РФ²³. В науке выдвинуто предположение о том, что причиной исключения информации из установленного перечня объектов гражданских прав послужило стремление конкретизировать норму за счет отказа от использования абстрактной категории, в связи с чем сложившийся в настоящее время правовой режим информации оценивается как

¹⁷ См.: Гражданское право : в 2 т. / под ред. Е. Е. Богдановой. М. : Проспект, 2020. С. 235–236 (автор главы — И. З. Аюшеева).

¹⁸ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 9АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/58af451a-bfa3-4723-ab0d-d149aafecd88/%D0%9040-124668-2017__20180515.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 09.02.2021).

¹⁹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 25.11.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448 (далее — Закон об информации).

²⁰ Долинская В. В., Моргунова Е. А., Шевченко О. М. Гражданское право: объекты прав / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. М. : Проспект, 2018. С. 35.

²¹ См., например: Богданов Е. В. Информация как объект гражданских правоотношений // Гражданское право. 2018. № 5. С. 29–33.

²² Лебедева Д. С., Яценко А. О. Информация как объект гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 4. С. 166.

²³ Рожкова М. А. Информация как объект гражданских прав, или что надо менять в гражданском праве // Закон.ру. 2018. 6 ноября. URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informaciya_kak_obekt_grazhdanskih_prav_ili_chno_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave (дата обращения: 09.02.2021).

удовлетворительный, достаточный для удовлетворения потребностей современного общества²⁴.

Высказано мнение, что информация, не обладая качеством самостоятельного объекта гражданских прав, относится к результатам интеллектуальной деятельности²⁵. Также отмечается, что информация как объект гражданско-правовых отношений обычно выступает в качестве элемента другого поименованного в ст. 128 ГК РФ объекта, например, таким объектом могут быть базы данных²⁶.

Анализируя положения действующего законодательства, можно сделать вывод, что информация в целом не поименована в качестве самостоятельного вида объектов гражданских прав. По сути, она объективируется, воплощаясь в других поименованных объектах.

Для цифровых объектов, которые характеризует признак информационной составляющей, закрепленной в цифровом электронном формате, тем самым, на сегодняшний день важно определение их правового режима: к какому виду поименованных объектов они могут быть отнесены. Следует согласиться с тем, что сложность разработки адекватного регулирования отношений по поводу информации в условиях цифровизации прежде всего обусловлена ее созданием, хранением, обработкой, передачей в электронной форме²⁷.

Сегодня многие субъекты (скорее, уже большинство) в процессе своей жизнедеятельности так или иначе оставляют «цифровые следы» (в поисковых системах, в чатах, в социальных

сетях, на сайтах агрегаторов и т.д.), в крупных городах (и не только) повсюду установлены камеры видеонаблюдения, работают службы геолокации, существуют способы получения информации о человеке, его жизни, его предпочтениях и т.п. Цифровизация способствует тому, что человек и его жизнь становятся все более и более прозрачными, терабайты информации ежесекундно обрабатываются, передаются, копируются, сохраняются в цифровой форме.

Во многих случаях указанные отношения регулируются нормами публичного права²⁸.

В целом информация о физических лицах, их личные данные должны защищаться законодательством о персональных данных, которые определяются в качестве любой информации, относящейся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)²⁹. А. Савельев отмечал, что «персональные данные — это не только валюта для оплаты якобы бесплатных интернет-сервисов, но также и некое топливо для использования технологий вроде искусственного интеллекта, например, для его обучения, технологий интернет-вещей, когда мы говорим об устройствах, связанных с конкретным пользователем»³⁰.

Способна ли информация о человеке являться объектом гражданских прав? Безусловно, являясь составной частью нематериальных благ, перечень которых в ст. 150 ГК РФ не является закрытым, такая информация защищается гражданским законодательством. Например, права на неприкосновенность частной жизни,

²⁴ Смоленский М. Б., Левшин Н. С. К дискуссии о легальном закреплении информации в качестве объекта гражданских прав // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 12 (103). С. 105–107.

²⁵ Пучков В. О. Информация — объект гражданского права? // Арбитражные споры. 2020. № 2. С. 135–144.

²⁶ Инюшкин А. А. Информация в системе объектов гражданских прав и ее взаимосвязь с интеллектуальной собственностью на примере баз данных // Информационное право. 2016. № 4. С. 4–7.

²⁷ Рожкова М. А. Информация как объект гражданских прав, или что надо менять в гражданском праве // Закон.ру. 2018. 6 ноября. URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informaciya_kak_obekt_grazhdanskih_prav_ili_chno_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave (дата обращения: 09.02.2021).

²⁸ См., например: Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СЗ РФ. 2016, № 28. Ст. 4558; Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О связи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // СЗ РФ. 2003, № 28. Ст. 2895.

²⁹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

³⁰ Цит. по: Урошлева А. Коммерциализация персональных данных и понятие «биг дата» — злободневные вопросы IT-сферы // URL: <https://www.garant.ru/article/1229761/> (дата обращения: 12.02.2021).

личную, семейную тайну являются личными неимущественными правами и принадлежат человеку от рождения, неотделимы от него, непередаваемы и неотчуждаемы. В различных нормативных актах предусмотрены разные виды тайн: врачебная, банковская, нотариальная, тайна усыновления, например. Как правило, отношения по поводу данных объектов определяются как личные неимущественные, не связанные с имущественными, возникающие по поводу нематериальных благ, не подлежащих стоимостной оценке. В своем роде они бесценны и уникальны.

Однако в связи с цифровизацией данные о человеке, его жизни и предпочтениях (большие данные — Big Data, большие пользовательские данные) фиксируются в информационных системах, передаются посредством сети Интернет и приобретают экономическую ценность (чаще всего для целей таргетированной рекламы и продвижения товаров, услуг), в связи с чем определение правового режима информации о человеке только с позиций нематериальных благ становится неполным. В этом смысле есть варианты: либо определить такую информацию как личную тайну (нематериальное благо) и запретить всякий ее оборот, либо предусмотреть особенности ее правового режима, позволяющие рассматривать данные объекты в качестве объектов гражданского оборота как отчуждаемые, передаваемые, обладающие стоимостной оценкой и признаками товарности.

Предпринималась попытка включить в Закон об информации легальное определение больших пользовательских данных как совокупности не содержащей персональных данных информации о физических лицах или их поведении, не позволяющей без использования дополнительной информации, обработки определить конкретное физическое лицо и собираемой из различных источников³¹.

В литературе большие данные предлагается квалифицировать как информационную услугу на основе технологии больших данных, при этом все же отмечается невозможность распространения на них уже существующих правовых режимов, кроме того высказывается предположение о признании больших данных новым

нетрадиционным объектом интеллектуальной собственности, поскольку в рамках такого подхода возможно допустить предоставление имущественного исключительного права на нематериальные по своей сути объекты³².

Следует ограничивать категорию информационных услуг от категории самой информации (данных). Информационные услуги — довольно широкая категория, легального определения которой нет в действующем законодательстве. При этом в ГК РФ была включена ст. 783.1. В ней упоминается разновидность договора возмездного оказания услуг — договор об оказании услуг по предоставлению информации.

Услуга традиционно определяется как деятельность, в процессе которой исполнитель совершает действия, обычно не влекущие за собой появление материального результата. В связи с необходимостью оказания услуги по предоставлению информации, очевидно, необходимо эту информацию сначала получить, обработать, обобщить, обеспечить ее сохранность, после чего предоставить к ней доступ заказчику. Исполнитель в условиях цифровизации, обладающий соответствующими технологическими ресурсами, получает доступ и возможность использования огромного количества информации о пользователях различных платформ (например, владельцы поисковых систем, социальных сетей, агрегаторов и т.п.). К сожалению, из-за несовершенства современных технологий, из-за утечки данных вследствие совершения проступков или преступлений к такой информации часто получают доступ неуправомоченные лица. Персональные данные становятся доступными широкому кругу лиц, а виновных зачастую невозможно идентифицировать и привлечь к ответственности.

В связи с тем что такая информация может быть закреплена на определенном носителе, отделена от других данных, приобретает экономическую ценность, возникает вопрос, можно ли ее объективировать вне информационных услуг и кто является ее обладателем в случае, если такая информация фиксируется в цифровой среде, например в информационно-телекоммуникационной сети Интернет?

³¹ Законопроект № 571124-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/571124-7> (дата обращения: 15.02.2021).

³² Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.

Очевидно, в связи с действием законодательства о персональных данных часть информации, обладающую признаками персональных данных, следует рассматривать в качестве закрытой информации, использование и передача которой допускается только с согласия ее обладателя. Как объект гражданских прав такая информация может составлять тайну личной жизни или иные виды тайн и защищаться в рамках обеспечения неприкосновенности личной жизни гражданина. Таким образом, в этом случае персональные данные объективируются как нематериальные блага. Разумеется, нематериальные блага как объекты гражданских прав характеризуются тем, что не могут быть отчуждены, переданы иным лицам, они неотделимы от своего носителя. Тем не менее допускается возможность использования такой информации с согласия ее обладателя. Как раз такое право использования информации, составляющей персональные данные, иногда относят к имущественному (исключительному) праву, что позволяет распространить на персональные данные режим объекта, приравненного к результатам интеллектуальной деятельности, например режим средства индивидуализации.

Таким образом, до момента предоставления права на использование информации, составляющей сведения, определяемые в качестве персональных данных, такие данные следует признать закрытыми, они неприкосновенны, защищаются в рамках личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными, в качестве нематериальных благ. С момента предоставления информации, составляющей персональные данные, третьим лицам на законных основаниях (совершения сделки — предоставления согласия на обработку, хранение, использование, передачу персональных данных или передачу по договору оказания услуг по предоставлению информации) право ее использования способно объективироваться в качестве имущественного (исключительного) права на объект, правовой режим которого приравнивается, например, к средствам индивидуализации.

Если соответствующая информация становится общедоступной, превращается в обще-

известные сведения, доступ к которым не ограничен (например, при размещении в открытых источниках в сети Интернет), она теряет режим тайны как конфиденциальной информации. Если ее доступность стала следствием правомерных действий третьих лиц, обладатель информации имеет право использовать предусмотренные для защиты личных неимущественных прав гражданско-правовые способы защиты, а также иные способы защиты, предусмотренные нормами публичного права. В этом случае допустимо требовать удаления соответствующей информации.

Однако, если информация стала доступна неограниченному кругу лиц по воле самого обладателя, утрачивается ее объективация в качестве нематериального блага — тайны личной жизни, как конфиденциальной информации. При этом ее использование можно допустить на основании аналогии с открытой неисключительной лицензией на использование имущественного (исключительного) права на объект, приравненный к средствам индивидуализации, или, к примеру, в качестве информации, входящей в состав базы данных³³. В этой связи справедливо утверждение, что проблема пересечения персональных данных и больших данных — это свободное использование личной информации, необдуманно не ограниченной самими же пользователями при выбросе «своей персональной информации» в общедоступные ресурсы³⁴, за счет чего формируется цифровой след, цифровой профиль человека.

Если рассматривать большие данные или большие пользовательские данные в качестве обезличенной информации, ее обладателем может быть тот субъект, который на законных основаниях произвел ее сбор, обработку, хранение. Этому же субъекту может быть предоставлено право на передачу соответствующей информации иным лицам в рамках договора на предоставление информации. При этом в указанных отношениях недопустимо ущемлять личные неимущественные и иные права субъекта персональных данных: закрытая (конфиденциальная) информация может быть обработана только при условии получения согласия обладателя и обеспечения правомерного к ней доступа.

³³ См., например: решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-18827/2017 от 12.10.2017 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/8aoBRhz9tqY4/> (дата обращения: 15.02.2021).

³⁴ Терещенко Т. Что думает законодатель о больших пользовательских данных? // URL: https://zakon.ru/blog/2018/10/27/chto_dumaet_zakonodatel_o_bolshih_polzovatel'skikh_dannyh (дата обращения: 15.02.2021).

Помимо указанных выше объектов, которые получили свое распространение в связи с цифровизацией гражданского оборота и фиксацией данных в цифровой форме, сейчас распространены так называемые виртуальные объекты, по своим свойствам напоминающие вещи, но не имеющие материальной оболочки в качестве предмета материального мира в привычном его понимании. Речь идет о внутриигровых объектах, об объектах виртуальной или дополненной реальности.

Затруднения в определении правового режима указанных объектов связаны с тем, что не выработано единое определение понятия виртуального имущества: можно выделить его понятие в широком и узком смысле. В широком смысле к виртуальному имуществу можно отнести всякие объекты, которые существуют только в цифровой среде, а не в реальном мире, фиксируются в рамках информационной системы, не имеют реальной материальной оболочки, при этом подлежат стоимостной оценке и могут быть отчуждены. В узком смысле под виртуальным имуществом можно понимать объекты, находящиеся в рамках виртуальной, дополненной реальности или в компьютерной игре. Оборот таких объектов составляет несколько миллиардов долларов США в год³⁵. По некоторым данным, одна из самых дорогих сделок в игровом мире была совершена в 2010 г. в рамках игры Entropia Universe, когда за 635 тыс. долл. был продан астероид и расположенный на нем ночной клуб³⁶, в рамках той же игры была продана планета Calypso

за 6 млн долл.³⁷ Виртуальную реальность зачастую рассматривают в качестве технологии, создающей альтернативу реальному миру³⁸.

В юридической литературе виртуальное имущество в узком смысле предлагается рассматривать в качестве объектов интеллектуальных прав, обязательственных прав³⁹. Распространено мнение о том, что к отношениям виртуальной реальности нельзя применять те же нормы, которые используются при регулировании отношений в физическом мире⁴⁰. Л. Ю. Василевская отмечала, что любую вещь можно «перевести в цифру», но цифровой код вещи не сможет передать ее уникальные характеристики и особенности⁴¹.

Тем не менее в рамках одного из подходов предлагается распространить на виртуальные объекты нормы о вещах и праве собственности. При таком подходе привычные правомочия собственника, в частности правомочие владения как хозяйственного господства лица над вещью, утрачивают свой первоначальный смысл. Может быть поставлен под сомнение абсолютный характер вещного права на виртуальные объекты, поскольку само их существование в какой-то степени зависит от воли обладателя соответствующего программного обеспечения, разработчика компьютерной игры, с которым заключен соответствующий договор (например, лицензионный), что придает праву на виртуальные объекты черты относительного права, хотя в юридической науке и обосновывается мнение о том, что вещное право не во всех случаях должно признаваться абсолютным⁴². Указан-

³⁵ Assael S. Skin in the Game // URL: http://www.espn.com/espn/feature/story/_/id/18510975/how-counterstrike-turned-teenager-compulsive-gambler (дата обращения: 01.02.2021).

³⁶ Джинджолия Ф. Самые дорогие предметы в играх // URL: https://games.mail.ru/pc/articles/feat/samye_dorogie_predmety_v_igrah/ (дата обращения: 01.02.2021).

³⁷ Lamtyugova G. 10 самых дорогих покупок, которые на самом деле не существуют // URL: <https://www.publy.ru/post/28087> (дата обращения: 01.02.2021).

³⁸ См.: Дремлюга Р. И. Виртуальная реальность: общие проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9. С. 39–49. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.039-049.

³⁹ См., например: Бунина Н. Правовая природа виртуальных объектов в компьютерных играх // URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/30/pravovaya_priroda_virtualnyh_obektov_v_kompyuternyh_igrah (дата обращения: 01.02.2021); Лисаченко А. В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 104–110; Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.

⁴⁰ Дремлюга Р. И. Указ. соч. С. 44.

⁴¹ Василевская Л. Ю. Указ. соч.

⁴² См. подробнее: Урошлева А. Объекты на цифровых носителях, цифровые права и деньги: тенденции правовой теории и практики // URL: <https://www.garant.ru/article/1220358/> (дата обращения: 03.02.2021).

ный дискуссионный подход влечет за собой возможность пересмотра понятия вещей как объектов гражданских прав и содержания вещных прав, в том числе права собственности.

Зарубежный опыт показывает, что применение к виртуальным объектам положений о вещных правах возможно. В частности, в Гражданском кодексе Чехии указано, что положения о вещных правах могут быть применены к вещам материальным и нематериальным, к правам, если это не противоречит их природе и положениям закона⁴³. Думается, все же виртуальные объекты нельзя назвать вещами в полном смысле этого слова, в оборот попадает только соответствующее имущественное право использования тех или иных виртуальных объектов. Это право по своей природе больше подходит под определение исключительного права.

Не меньший интерес вызывает вопрос определения правового режима (или статуса) искусственного интеллекта и роботов, созданных на основе данной технологии, беспилотного транспорта и т.п.

Легального определения искусственного интеллекта сегодня не существует. Под ним предлагается понимать машины, способные имитировать определенные функциональные возможности человеческого интеллекта, включая такие функции, как восприятие, обучение, рассуждение, решение проблем, языковое взаимодействие и даже производство творческой работы⁴⁴. Искусственный интеллект (Artificial Intelligence, AI) также называют совокупностью технологий, которые объединяют данные, алгоритмы и вычислительную мощность⁴⁵.

Современные роботы характеризуются мобильностью, интерактивностью, коммуникацией, автономией (способностью самостоятельно принимать решения, воздействовать на окружающую среду без прямого внешнего контроля человека)⁴⁶. Проблема определения правового режима (или даже статуса) робота связана с тем, что в основе робототехники также лежит технология искусственного интеллекта, поскольку без него роботы превращаются в технически сложные вещи, управляемые человеком.

Искусственный интеллект сегодня предлагается рассматривать как результат интеллектуальной деятельности, а вещи, созданные на его основе, — как обычные вещи. Тем не менее разрабатывается также позиция, в основе которой — понимание искусственного интеллекта в качестве квазисубъекта или даже субъекта гражданского права, поскольку данная технология характеризуется невозможностью спрогнозировать принимаемые искусственным интеллектом решения, повлиять на них, предсказать его алгоритм действий, искусственный интеллект способен развиваться, обучаться, автономно принимать решения, в связи с чем определение проблемы его автономии воли, думается, является лишь вопросом времени.

Таким образом, современные цифровые объекты требуют решения проблемы определения их правового режима. Думается, цифровые объекты в целом не являются на сегодняшний день новыми самостоятельными объектами гражданских прав. Их можно объективировать в качестве уже поименованных объектов с учетом особенностей их фиксации в цифровой среде.

⁴³ Гражданский кодекс Чешской Республики. Закон от 03.02.2012 № 89/2012 // URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2012-89> (дата обращения: 01.02.2021).

⁴⁴ Toward a draft text of a Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence: working document. SHS/BIO/AHEG-AI/2020/3REV. Paris, 10 April 2020 // URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373199> (дата обращения: 16.02.2021).

⁴⁵ White paper on Artificial Intelligence — A European approach to excellence and trust. Brussels, 19.02.2020. COM (2020) 65 final // URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (дата обращения: 16.02.2021).

⁴⁶ Report of COMEST on robotics ethics. SHS/YES/COMEST-10/17/2 REV. Paris, 14 September 2017 // URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000253952> (дата обращения: 16.02.2021).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акинфиева В. В. Утилитарные цифровые права в современных условиях трансформации экономики // Пермский юридический альманах. — 2020. — № 3. — С. 397–407.
2. Богданов Е. В. Информация как объект гражданских правоотношений // Гражданское право. — 2018. — № 5. — С. 29–33.
3. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 5. — С. 111–119. — DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.111-119.
4. Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л., Авакян Е., Савельев А., Судец И., Чубурков А., Соколов А., Янковский Р., Сарбаш С. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. — 2018. — № 5. — С. 16–30.
5. Долинская В. В., Моргунова Е. А., Шевченко О. М. Гражданское право: объекты прав / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2018. — 128 с.
6. Дремлюга Р. И. Виртуальная реальность: общие проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 9. — С. 39–49. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.039-049.
7. Инюшкин А. А. Информация в системе объектов гражданских прав и ее взаимосвязь с интеллектуальной собственностью на примере баз данных // Информационное право. — 2016. — № 4. — С. 4–7.
8. Лебедева Д. С., Яценко А. О. Информация как объект гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2017. — Т. 3 (69). — № 4. — С. 163–167.
9. Лисаченко А. В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // Российский юридический журнал. — 2014. — № 2. — С. 104–110.
10. Подузова Е. Б. Право как объект гражданских правоотношений в контексте цифровой среды и экономики совместного потребления // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 2. — С. 86–93.
11. Пучков В. О. Информация — объект гражданского права? // Арбитражные споры. — 2020. — № 2. — С. 135–144.
12. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. — 2014. — № 1. — С. 127–150.
13. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. — 2018. — № 11. — С. 106–123.
14. Смоленский М. Б., Левшин Н. С. К дискуссии о легальном закреплении информации в качестве объекта гражданских прав // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2018. — № 12 (103). — С. 105–107.
15. Сойфер Т. В. Гражданско-правовое регулирование краудфандинга в России: состояние и перспективы // Актуальные проблемы гражданского права. — 2020. — № 1. — С. 11–15.
16. Maume P., Fromberger M. Regulation of Initial Coin Offerings: Reconciling US and EU Securities Laws // Chicago Journal of International Law. — 2019. — Vol. 19.2. — P. 548–585.

Материал поступил в редакцию 5 марта 2021 г.

REFERENCES

1. Akinfieva VV. Utilitarnye tsifrovye prava v sovremennykh usloviyakh transformatsii ekonomiki [Utilitarian digital rights in modern conditions of economic transformation]. *Perm Legal Almanac*. 2020;3:397-407. (In Russ.).
2. Bogdanov EV. Informatsiya kak obekt grazhdanskikh pravootnosheniy [Information as an object of civil legal relations]. *Civil Law*. 2018;5:29-33. (In Russ.).
3. Vasilevskaya LYu. Token kak novyy obekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii tsifrovogo prava [Token as a New Civil Rights Object: Problems of Legal Qualification of Digital Law]. *Actual Problems of Russian Law*. 2019;5:111-119. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.111-119. (In Russ.).

4. Guznov A, Mikheeva L, Novoselova L, Avakyan E, Savelyev A, Sudets I, Chuburkov A, Sokolov A, Yankovsky R, Sarbash S. Tsifrovye aktivy v sisteme obektov grazhdanskikh prav [Digital assets in the system of objects of civil rights]. *The Law*. 2018;5:16-30. (In Russ.).
5. Dolinskaya VV, Morgunova EA, Shevchenko OM. Grazhdanskoe pravo: obekty prav [Civil Law: Objects of Rights]. Moscow: Prospect; 2018.
6. Dremlyuga RI. Virtual Reality: Common Problems of Legal Regulation. *Actual Problems of Russian Law*. 2020;15(9):39-49. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.039-049. (In Russ.).
7. Inyushkin AA. Informatsiya v sisteme obektov grazhdanskikh prav i ee vzaimosvyaz s intellektualnoy sobstvennostyu na primere baz dannykh [Information in the system of civil rights objects and its interlink with intellectual property on the example of databases]. *Information Law*. 2016;4:4-7. (In Russ.).
8. Lebedeva DS, Yatsenko AO. Informatsiya kak obekt grazhdanskogo prava [Information as an object of civil law]. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*. 2017;3(69)4:163-167. (In Russ.).
9. Lisachenko AV. Law of Virtual Worlds: New Objects of Civil Rights. *Russian Juridical Journal*. 2014;2:104-110. (In Russ.).
10. Poduzova EB A right as an Object Of Civil Legal Relations in the Context of the Digital Environment and Economy of Shared Consumption. *Actual Problems of Russian Law*. 2020;2:86-93. (In Russ.).
11. Puchkov VO. Informatsiya — obekt grazhdanskogo prava? [Is Information an Object of Civil Law?]. *Arbitration Disputes*. 2020;2:135-144. (In Russ.).
12. Savelyev AI. Pravovaya priroda virtualnykh obektov, priobretaemykh za realnye dengi v mnogopolzovatel'skikh igrakh [The legal nature of virtual objects purchased for real money in multiplayer games]. *Bulletin of Civil Law*. 2014;1:127-150 (In Russ.).
13. Sergeev AP, Tereshchenko TA. Bolshie dannye: v poiskakh mesta v sisteme grazhdanskogo prava [Big data: in search of a place in the civil law system]. *The Law*. 2018;11:106-123. (In Russ.).
14. Smolenskiy MB, Levshin NS. K diskussii o legalnom zakreplenii informatsii v kachestve obekta grazhdanskikh prav [On the discussion of the legal consolidation of information as an object of civil rights]. *Science and Education: Business and Economy; Entrepreneurship; Law and Administration*. 2018;12(103):105-107. (In Russ.).
15. Soifer TV. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie kraudfandinga v rossii: sostoyanie i perspektivy [Civil Law Regulation of Crowdfunding in Russia: The Status and Prospects]. *Actual Problems of Civil Law*. 2020;1:11-15. (In Russ.).
16. Maume P, Fromberger M. Regulation of Initial Coin Offerings: Reconciling US and EU Securities Laws. *Chicago Journal of International Law*. 2019; 19.2:548-585.